

1

Камешек, не похожий
на другие камни

Всю свою жизнь я бросаю вызов небесам, будто вызываю грозу на себя, притягиваю молнии, но однажды это случилось на самом деле. Я не должна была бы помнить о том происшествии, потому что была тогда совсем маленькой, однако помню. Я была в поле, и там были лошади и всадники. Наверное. Это было что-то вроде сельской ярмарки. А потом разразилась гроза, и какая-то женщина взяла меня на руки и отнесла под дерево. Она крепко прижимала меня к себе, а я смотрела вверх на узор черных листьев на фоне низкого неба.

Вдруг раздался треск, как будто рядом упало дерево, и внезапно вспыхнул яркий свет. Мне казалось, что я смотрю прямо на солнце. Я дрожала и чувствовала, как рядом что-то горит, а затем поняла, что это моя рука, будто я схватила уголек из камина и держу его на ладони, но только больно мне не было. Мне казалось, что меня вывернули наизнанку, как шерстяной чулок.

Подбежали какие-то люди, начали громко кричать, но сама я не могла издать ни звука. Меня куда-то отнесли, и вокруг разлилось влажное тепло. Это была горячая вода, а я уже тогда

знала, что вода мокрая. Наш дом стоял на берегу, у моря, и я видела воду из наших окон. Потом я открыла глаза, и с тех пор меня не покидает ощущение, что я так и осталась с широко открытыми глазами на всю оставшуюся жизнь.

Молния убила женщину, державшую меня на руках, и двух девочек, стоявших с ней рядом. Говорят, до грозы я была тихим, болезненным ребенком, а после удара молнии стала проворной и очень сообразительной. Не могу сказать, так ли это, но воспоминание о том случае заставляет меня дрожать. Я чувствую, как по спине у меня пробегают мурашки, и это происходит довольно часто. Я помню, как вздрогнула, когда впервые увидела череп крокодила, который держал в руках Джо. Помню, как дрожала, наткнувшись на следы допотопных чудовищ на побережье, или когда познакомилась с полковником Бёрчем. Временами я начинаю гадать: почему это со мной случилось? Если это был знак свыше, отметивший меня в детстве, то что он означал? Иногда мне кажется, что я знаю ответ. Мне кажется, что молния, ударив в меня, когда я была младенцем, так и осталась сиять во мне ослепительным светом. Мне кажется, что я сама стала молнией.

Всякий раз, когда нахожу какую-нибудь окаменевшую кость, я чувствую легкий толчок внутри, который как будто говорит: «Да, Мэри Эннинг, ты камешек, не похожий на другие камни на этом побережье». Я оттого и хожу каждый день на взморье, что надеюсь вновь ощутить этот знакомый удар молнии в своем сердце, надеюсь почувствовать свое призвание.

2

Не женское это дело —
руки марать!

Взгляд у Мэри Эннинг оказался острый и любопытный. Я это сразу отметила, едва только успела с ней познакомиться. Глаза у нее карие и очень яркие, а еще она постоянно смотрит себе под ноги, даже когда идет по улице, хотя, конечно, никаких удивительных находок в городе никому еще найти не удавалось. Из-за этого она производит впечатление весьма энергичной девушки. Мои сестры часто с упреком говорят мне, что я без причин с любопытством озираюсь по сторонам, но ведь эта привычка, как мне представляется, заслуживает скорее похвалы, чем осуждения, так что, отметив ее у Мэри, я тем самым делаю ей комплимент.

Я давно заметила, что у каждого человека есть какая-то характерная черта. Например, у моего брата Джона — это брови. Дело не только в том, что они густые и нависают у него над глазами; они еще и являются наиболее подвижной частью его лица. По ним можно проследить ход мыслей брата, когда его лоб то морщится, то разглаживается. Джон — второй по старшинству отпрыск Филпотов после Луизы, причем единственный наследник мужского пола, что сделало

его ответственным за судьбу четырех своих сестер после смерти наших родителей. Такие обязанности каждого заставят время от времени хмурить лоб, хотя он с детства, даже когда был маленьким мальчиком, казался окружающим не по возрасту серьезным.

У самой младшей моей сестры Маргарет обращают на себя внимание руки. Хотя они у нее и маленькие, но пальцы пропорционально длинные и изящны, и она лучше всех из нас играет на фортепиано. Ей нравится взмахивать руками, когда она танцует, а когда она спит, то забрасывает их за голову, даже если в комнате холодно.

Франсис — единственная из нас, кто обзавелся собственной семьей. Она прокладывает себе дорогу грудью, так что ее замужество, полагаю, объясняется именно этой характерной чертой. Мы — в роду Филпотов — красотой не блещем. У нас у всех широкая кость и крупные черты лица. Более того, денег на достойное приданое хватало только на одну свадьбу и призовой забег среди сестер выиграла Франсис, оставив наш дом на Ред-Лайон-сквер, чтобы стать женой торговца из Эссекса.

Я всегда восхищалась людьми с острым, пытливым взглядом, как у Мэри Эннинг, потому что они, по-моему, четче осознают окружающий мир и его обустройство. Вот почему я лучше всего лажу со своей старшей сестрой Луизой. У нее серые глаза, как у всех в нашей семье, и говорит она мало, но, когда смотрит прямо на тебя, кажется, что она видит тебя насквозь.

Мне всегда хотелось, чтобы моей главной чертой тоже были глаза, но судьба распоряди-

лась по-своему. У меня острый нос, слегка выступает челюсть, и когда я с досады скриплю зубами оттого, что часто — чаще, чем следует, — бываю раздражена, мое лицо заостряется, как топорик. Однажды на балу я подслушала, как один мой потенциальный поклонник сказал, что не осмеливается пригласить меня на танец, опасаясь порезаться о мое лицо. Я так никогда и не оправилась от этого оскорбительного замечания. Это объясняет, почему я осталась старой девой и почему так редко танцую.

Я страстно мечтала выработать у себя выразительный взгляд, но поняла, что людям так же сложно изменить характерную черту своей внешности, как и душевный темперамент. Таким образом, будущие охотники за окаменелостями без труда смогут определить мои останки по моей ископаемой челюсти. Я совершенно в этом уверена.

С Мэри Эннинг я познакомилась в Лайм-Реджисе, где она прожила всю свою жизнь. Это, конечно, не то место, где я хотела бы провести свою. Для меня лучшим местом на свете был Лондон, а именно Ред-Лайон-сквер, где мы, Филпоты, выросли. Хотя я слышала о Лайм-Реджисе как о модном морском курорте, мы никогда туда не ездили. Летом мы обычно отправлялись на побережье Суссекса, например в Брайтон или Гастингс. Наша мать, пока она была жива, заботилась, чтобы мы дышали свежим воздухом и купались в море, потому что разделяла взгляды доктора Ричарда Рассела, написавшего не одну книгу о пользе морской воды — как для купания, так и для питья. Я отказывалась пить

морскую воду, но научилась плавать. На взморье я была — в некотором поэтическом смысле — как у себя дома, хотя тогда не подозревала, что это станет правдой в буквальном смысле.

Спустя два года после смерти родителей наш брат как-то вечером объявил нам о своей помолвке с дочерью одного из друзей-адвокатов нашего покойного отца. Мы расцеловали и поздравили Джона, а Маргарет в честь этого события сыграла на фортепиано вальс. Но, улегшись той ночью спать, я втихомолку плакала, как, подозреваю, делали и мои сестры, потому что с нашей лондонской жизнью, какой мы ее знали, было покончено. Как только наш брат женится, не будет ни места, ни денег, чтобы мы все продолжали жить на Ред-Лайон-сквер. Новоиспеченная миссис Филпот, конечно, захочет быть хозяйкой в собственном доме и наполнит его детьми. Три сестры — это явное излишество, особенно если они незамужние. Мы с Луизой обе знали, что нам предначертано остаться старыми девами. Поскольку денег у нас было мало, привлекать женихов нам оставалось только скромностью характера и внешностью, хотя на внешние данные особенно рассчитывать все же не приходилось. Луиза удалась чересчур высокой — намного выше, чем в состоянии выдерживать большинство мужчин, — и у нее были крупные руки и ноги. Более того, она была такой тихой, что это выводило из себя ее поклонников, которые думали, что она их молча осуждает. Так оно, вероятно, и было. Что до меня, я была маленькой, остроносой, некрасивой, совсем не

умела флиртовать и пыталась заводить разговоры на серьезные темы, говорить о важных предметах, а это тоже отпугивало мужчин.

Значит, нас следовало перегнать, как овец, с одного пастбища на другое, и роль пастуха выпала Джону.

На следующее утро он положил на стол, накрытый для завтрака, путеводитель, который одолжил у своего приятеля.

— Мне подумалось, что летом вы захотите поехать в какое-нибудь новое место, а не в гости к нашим родственникам в Брайтоне, — сообщил он. — Решите отправиться в небольшое путешествие, если угодно, вдоль южного побережья. Из-за войны с Францией поездки на континент стали невозможны, зато сейчас как грибы растут прибрежные курорты. Есть среди них и такие, где вам понравится даже больше, чем в Брайтоне. В Истборне, возможно, или в Уэртинге. Или еще дальше, в Лимингтоне, или на побережье Дорсета: в Уэймуте или в Лайм-Реджисе. — Джон называл эти места, словно прокручивал у себя в голове список, ставя маленькую галочку рядом с каждым из названий. — Посмотрите, что вам здесь придется по нраву.

Джон постучал пальцем по книге. Хотя он ничего такого не сказал, все мы поняли, что ищем не просто место для летнего отдыха, но свой новый дом, где сможем сносно жить, покинув Лондон, который теперь был нам не по средствам.

Когда он ушел в свою контору, я взяла со стола книгу.

— «Путеводитель по водам и морским купаниям на тысяча восемьсот четвертый год», — прочла я вслух, чтобы Луиза и Маргарет могли меня слышать.

Перелистывая ее, я обнаружила статьи об английских городках, расположенных в алфавитном порядке. Фешенебельному Бату отводилась, конечно, самая большая статья — сорок девять страниц, а также большая карта и раскладная вклейка с панорамным видом на город с его улицами и домами, окаймленными окрестными холмами. Нашему любимому Брайтону посвящались двадцать три страницы текста. Я посмотрела все города, упомянутые нашим братом. Некоторые из них были просто рыбацкими деревушками, удостоившимися лишь пары страниц. На полях, возле приглянувшихся местечек, Джон ставил галочки. Полагаю, он прочел все статьи в этой книге и выбрал те, что подходили лучше остальных.

— Чем плох Брайтон? — спросила Маргарет.

Я как раз читала о Лайм-Реджисе и вскинула на нее глаза.

— Вот тебе и ответ, — произнесла я, вручив ей путеводитель. — Посмотри, что отметил Джон.

— «Обыватели Лайма принадлежат главным образом к среднему классу, — вслух прочла Маргарет. — Многие перебрались сюда не только в надежде подправить здоровье, но и улучшить свое благосостояние». — Она уронила книгу себе на колени. — Стало быть, Брайтон для сестер Филпот слишком дорог, так?

— Ты можешь остаться здесь с Джоном и его женой, — предложила я в порыве благородства. — Думаю, одну из нас они сумеют обеспечить. Совсем не обязательно, чтобы мы все отправлялись в изгнание на побережье.

— Ерунда, Элизабет, мы никогда не расстанемся, — заявила Маргарет с такой искренней преданностью, что я не могла не обнять ее.

В то лето мы отправились в путешествие по побережью, сопровождаемые нашими тетушкой и дядюшкой, нашей будущей невесткой и ее матерью, а также Джоном, когда ему это удавалось. Наши компаньоны делали замечания вроде: «Какие великолепные сады! Завидую тем, кто живет здесь круглый год и может прогуливаться в них когда пожелает», или «Эта муниципальная библиотека так хорошо укомплектована, что можно подумать, ты в Лондоне», или «Разве воздух не свеж? Хотелось бы мне дышать им каждый день». Раздражало, что другие судят о нашем будущем так легко, особенно наша невестка, которой предстояло завладеть домом Филпотов и не надо было перебираться в Уэртинг или Гастингс. Ее комментарии стали так сильно нам докучать, что Луиза начала находить отговорки, чтобы не участвовать в совместных прогулках, а я делала все более и более колкие замечания. Только Маргарет радовалась нашим поездкам, пусть даже лишь затем, чтобы посмеяться над грязью в Лимингтоне или над деревенским театром в Истборне. Больше всего ей понравился Уэймут, потому что любовь к этому городу

короля Георга сделала его популярнее прочих, обеспечив ежедневное сообщение дилижансами из Лондона и Бата, а следовательно, и постоянный приток фешенебельной публики.

Что до меня, то я тогда часто бывала совершенно не в духе. Знание того, что тебя могут принудить переехать в какой-то город, мешает смотреть на него как на привлекательное место, куда ты захотела отдохнуть на один день. Трудно смотреть на такой курорт, не сравнивая его с Лондоном. Даже Брайтону и Гастингсу, которые раньше я так любила посещать, теперь, на мой взгляд, недоставало духовности и изящества.

Когда мы добрались наконец до Лайм-Реджиса, в нашей компании оставались только Луиза, Маргарет и я. Джон вернулся к себе в контору и забрал с собой свою невесту и ее мать, а у нашего дядюшки начался приступ подагры, вынудив его и тетюшку отправиться обратно в Брайтон. В Лайм нас сопровождали Даремы, семейство, с которым мы познакомились в Уэймуте, — они составили нам компанию в дилижансе и помогли нам поселиться в съемной квартире на Брод-стрит, главной улице городка.

Изо всех мест, которые мы посетили тем летом, Лайм я нашла наиболее привлекательным. К тому времени уже наступил сентябрь — месяц, который своей кротостью и золотистым светом способен скрасить даже самый мрачный уголок Англии. Нас встретила хорошая погода, и мы были совершенно свободны и предоставлены самим себе. Наконец я могла составить собст-

венное мнение о городе, в котором мы могли бы поселиться.

Лайм-Реджис — это город, подчинившийся ландшафту, а не заставивший окружающую природу подчиниться себе. Холмы, подступающие к городу, настолько круты, что дилижансы не могут по ним спускаться — пассажиры сходят у трактира «Куинз армз» в Чармуте или на перекрестке в Аплайме и доставляются вниз в экипажах. Узкая дорога ведет к берегу, затем быстро поворачивается к морю и снова устремляется к холмам, словно хотела лишь бросить взгляд на волны, прежде чем спастись бегством. Самый низкий край берега, там, где крошечная речушка Лайм впадает в море, соседствует с городской площадью. Там, наискосок от таможни и Курзала, стоит гостиница «Три чаши», которая будто хвастается своими тремя стеклянными люстрами и прекрасным эркером, выходящим на берег. Дома выстроены от центра вдоль берега и вверх по реке, а магазины и прилавки городского рынка взбираются вверх по Брод-стрит. Лайм не строился по архитектурному плану, как Бат, Челтнем или Брайтон, но извиляется то в одну сторону, то в другую, словно напрасно пытаясь убежать и от холмов, и от моря, заранее зная, что это ему не удастся.

Но это не все, что можно сказать о Лайме. Там как будто расположены бок о бок две деревни, соединенные маленьким песчаным пляжем. Именно на нем выстроились в ряд яркие купальни, ожидая притока посетителей. Другой Лайм, на западной оконечности пляжа, будто

заключает залив в свои объятия. Над ним возвышается Кобб, длинная скала из серого камня, которая изгибается, уходя под воду и прикрывая берег, тем самым создавая спокойную бухту для рыбацких лодок и торговых судов, проходящих сюда отовсюду. Кобб имеет несколько футов в высоту и достаточно широк, чтобы по нему можно было прогуливаться втроем, держась за руки, что и делают многие отдыхающие, потому что оттуда открывается чудесный вид на город и на живописную береговую линию за пологими холмами, окрашенными в зеленые, серые и коричневые тона.

Бат и Брайтон красивы, несмотря на свои невзрачные окрестности; стройные здания с их гладкими каменными фасадами создают искусную атмосферу, которая радует глаз. Лайм же красив благодаря своим окрестностям и несмотря на свои довольно невзрачные дома. Он мне сразу понравился.

Мои сестры тоже остались довольны Лаймом, но по другим причинам. С Маргарет все было просто: она стала королевой балов, устраиваемых в Лайме. В свои восемнадцать она была свежей, живой и настолько миловидной, насколько вообще может быть урожденная Филпот. У нее были прелестные колечки черных волос и длинные руки, которые она предпочитала держать приподнятыми, чтобы окружающие могли восхищаться их изящными очертаниями. Если лицо у нее было слегка длинноватым, губы немного тонкими, а ключицы несколько выступающими, то в ту пору, когда ей было восемнадцать, это

не имело никакого значения. По крайней мере, она была избавлена от моей острой челюсти или от злополучного роста Луизы. Мало кто мог сравниться с нею в то лето в Лайме, и джентльмены уделяли ей больше внимания, нежели в Уэймуте или Брайтоне, где у нее могло быть куда больше соперниц. Маргарет была счастлива. Она жила от бала до бала, заполняя дни в промежутках игрой в карты, чаепитиями в Курзале, купанием в море и прогулками по Коббу в обществе новых друзей и подруг, которых она себе здесь завела.

Луизу не заботили ни балы, ни карты, но она вскоре обнаружила луга вблизи утесов к западу от города с удивительной флорой и дикими, уединенными тропами, обрамленными плющом. Это несказанно тешило ее склонную к уединению натуру. К тому же она с детства проявляла интерес к ботанике.

Что до меня, то я нашла свое занятие в Лайме однажды утром, на прогулке по пляжу Монмут, к западу от Кобба. Мы присоединились к своим друзьям по Уэймуту, Даремам, чтобы обследовать любопытный каменный уступ, прозванный Змеиным кладбищем и открывавшийся только во время отлива. Это оказалось дальше, чем мы думали, и продвигаться по каменистому берегу было трудно. Я вынуждена была все время смотреть под ноги, чтобы не наткнуться на скальные обломки. Ступив между двумя камнями, я заметила странный голыш, украшенный полосатым узором. Наклонившись, я подняла его — в первый из многих тысяч раз, кои мне предстояло

сделать в своей жизни. Он имел спиралевидную форму, со складками, шедшими с равномерными интервалами вокруг сердцевины, и походил на змею, которая свернулась вокруг себя самой, так что кончик хвоста оказался в центре. Симметричный узор так радовал глаз, что я почувствовала, что должна сохранить его, хотя и понятия не имела, что это такое. Я лишь понимала, что это не могло быть простым камнем.

Я показала его Луизе и Маргарет, а потом семейству из Уэймута.

— А, так это змеиный камень, — объявила миссис Дарем.

Я едва не выронила находку, хотя логика говорила мне, что змея не могла быть живой. Но это не могло быть и просто камнем. Тогда я поняла, что это такое.

— Это... окаменелость, так? — Я использовала это слово с некоторым колебанием, ибо не была уверена, что семейство из Уэймута окажется с ним знакомым.

Конечно, я читала об окаменелостях и видела некоторые из них, выставленные под стеклом в Британском музее, но не знала, что их так легко можно найти на пляже.

— Полагаю, что так, — сказал мистер Дарем. — Такие штуковины часто здесь находят. Некоторые из местных называют их антиками.

— А где ее голова? — спросила Маргарет. — Похоже, ее отрубили.

— Возможно, отвалилась, — предположила мисс Дарем. — Где вы нашли этот змеиный камень, мисс Филпот?

Я указала место, и все мы его осмотрели, но не увидели головы змеи, лежавшей поблизости. Вскоре остальные утратили интерес к антикам и пошли дальше. Я искала немного дольше, затем последовала за ними, время от времени разжимая пальцы, чтобы посмотреть на этот свой первый образчик того, что в скором времени мне предстояло называть аммонитом. Держать в руках тело какой-то твари, что бы она собой ни представляла, было странно, но это же доставляло мне и удовольствие. Сжимать в руке этот твердый предмет было так же приятно, как опираться на трость или на перила лестницы.

В конце пляжа Монмут, как раз перед мысом Семи Скал, где береговая линия сворачивает, пропадая из виду, мы нашли Змеиное кладбище. Это был гладкий известняковый уступ, в котором имелись спиральные, в виде белых линий на фоне серого камня вкрапления сотен тварей, подобных той, что я держала в руке, если не считать того, что они были огромными, каждая размером с тарелку. Нам открылось такое странное, мрачное зрелище, что все мы уставились на него в молчании.

— Это, должно быть, боа-констрикторы, как вы думаете? — спросила Маргарет. — Они огромны!

— Но боа-констрикторы в Англии не водятся, — возразила мисс Дарем. — Как они сюда попали?

— Возможно, они все-таки жили здесь несколько сот лет назад, — предположила миссис Дарем.

— Или даже тысячу лет назад, а то и пять тысяч, — разошелся мистер Дарем. — Может, они такие древние. Возможно, позже боа-конструкторы мигрировали в другие части света.

Мне они не казались ни змеями, ни какими-либо другими тварями, мне известными. Я прошла вперед, каждый шаг делая с осторожностью, чтобы не наступить на этих чудищ, пусть даже они явно давно были мертвы и представляли собой окаменевшие останки. Трудно было вообразить их некогда живыми. Они выглядели так, будто были изначально воплощены в камне.

Если бы мы жили здесь, я могла бы приходить сюда и видеть все это, когда бы ни пожелала, подумала я. И находить на пляже змеиные камни поменьше, а также другие окаменелости. Это было заманчиво. Большого я и пожелать не могла.

Брат был очень доволен нашим выбором. Помимо того что Лайм не требовал многих затрат, в этом городе в свое время останавливался для поправки здоровья Уильям Питт Младший; Джон находил утешительным, что британский премьер-министр высоко ценил то место, в которое он отправлял в изгнание своих сестер. Мы перебрались в Лайм следующей весной, когда Джон приобрел для нас коттедж, стоявший высоко над пляжем, в верхней части Сильвер-стрит, которая, выше по холму, переходила в Брод-стрит. Вскоре после этого Джон и его молодая жена продали наш дом на Ред-Лайонсквер и купили себе вновь отстроенный дом на

проходящей поблизости Монтегю-стрит, рядом с Британским музеем. Мы не ожидали, что наш выбор бесповоротно лишит нас прошлого, но так уж оно случилось. У нас оставалось только настоящее, а еще неясные перспективы на будущее. Будущее для нас начиналось в Лайме.

Коттедж Морли с его маленькими комнатами с низкими потолками и неровными полами так сильно отличался от лондонского дома, в котором мы выросли, что поначалу мы были шокированы. Он был выстроен из камня, крыт шифером и состоял из гостиной, столовой и кухни на первом этаже, двух спален наверху и мансарды для нашей служанки Бесси. Мы с Луизой делили одну спальню, предоставив другую Маргарет, потому что она сетовала на то, что мы допоздна читаем: Луиза — свои книги по ботанике, а я — труды по естественной истории. В коттедже не хватало места, чтобы поставить музыкальный инструмент нашей матери, или диван, или обеденный стол красного дерева. Нам пришлось оставить их в Лондоне и купить мебель поменьше и попроще в близлежащем Эксминстере, а еще крошечное фортепиано в Эксетере. Физически ощущаемое сжатие пространства и мебелировки нашло отражение в нашем собственном сужении: от обширного семейства с несколькими слугами и множеством посетителей до семейки сестер с единственной служанкой, чтобы готовить и убирать, в городке, где проживало совсем немного обывателей, с которыми мы чувствовали желание общаться, не роняя при этом собственного достоинства.

Оглавление

1. Камешек, не похожий на другие камни	7
2. Не женское это дело — руки марать!	11
3. ...И найди то, не знаю что	69
4. Не задавайте лишних вопросов!	107
5. Мы превратимся в «культурный слой»	163
6. Я была в него слегка влюблена	217
7. Высшая точка прилива	301
8. Приключение	329
9. Знамение	391
10. Молчание вдвоем	433
P. S. Для терпеливого читателя	437
Список литературы	444